

ВИКТОР АГАФОНОВ

Виктор Андреевич Агафонов родился в 1939 году в Москве. В 1964 году окончил МИФИ. Работал на различных режимных предприятиях. С 1975 г. параллельно основной работе преподает математику на подготовительных курсах ВЗИСИ (в последствии МИКХиС). Общий преподавательский стаж – 30 лет.

В студенческие годы начал писать стихи, позднее прозу. Является членом ЛИТО «Строгино». Печатался в газетах: «Строгинские вести», «Ситуация», в альманахе «Ключ».

РАЗГОВОР

Ты далеко, но голос звонкий, чистый,
Такой желанный, милый и родной,
Что кажется мы друг от друга близко.
Вот повернусь, и встретимся с тобой.

Я вновь увижу золотистый локон,
Волшебных глаз неповторимый свет,
Но нет тебя, здесь только стекла окон,
Горбатый телефон и несколько монет.

Вопросы, предложения, советы,
Слова надежды и любви летят.
Лишь равнодушно падают монеты.
Они мертвы и потому молчат.

1982

ТЫ ПРЕКРАСНА

Ты прекрасна, как лето,
Как лесные цветы,
Голубые рассветы,
Золотые мечты.

В тебе нежность мимозы,
Красота тополей,
Стройность белой березы
И раздолье полей,

Гибкость тонкой рябины,
Чистота родника,
Яркость красной калины
И напев ручейка.

Ты прекрасна, как осень,
Как весны благодать.
Я люблю тебя очень
И боюсь потерять.

1982

УХАБЫ ЖИЗНИ

Она была хороша собой. Ее стройная фигура, большие карие глаза и черные, как смоль, волосы до сих пор вызывали восхищение мужчин, и это ей нравилось. Конечно, рождение двух детей давало себя знать, да и прожитые годы не прошли бесследно – появились какие-то изъяны, но она тщательно скрывала их, умело используя для этого косметику и одежду. Когда ей хотелось, чтобы он что-то сделал для нее, она брала его за руку и, ласково заглядывая в глаза, обращалась со своей просьбой.

Он всегда и с большой охотой выполнял ее желания, а иногда, пытаясь их предугадать, даже попадал впросак, но она никогда не упрекала его за это.

Обычно перед тем, как юркнуть к нему под одеяло, она быстро раздевалась, легко управляясь со всеми своими крючками и застежками, но если вдруг чувствовала на себе его заинтересованный взгляд, то замедляла свои движения, как бы давая ему возможность полюбоваться собою. Нередко он сам раздевал ее, но тогда этот процесс затягивался, так как его нарастающее возбуждение постепенно передавалось ей, приводя в трепет ее тело, и они, испытывая нестерпимое желание, забыв обо всем на свете, принимались ласкать друг друга.

Это были прекрасные мгновения. Но еще более прекрасной была сама близость, приводящая их в состояние, граничащее с безумием, в состояние, объяснить которое просто невозможно, потому что оно за пределами нашего сознания, в мире иных мер и понятий. В такие моменты им казалось, что окружающее пространство сжалось до размеров небольшой комнаты и надежно защищает их от всевозможных бед и неурядиц. Они не сразу отпускали друг друга, а какое-то время, прислушиваясь к постепенно затихающему стуку сердец, продолжали свои ласки, отдавая дань только что испытанному блаженству.

Их встречи были эпизодическими и сменялись долгими, томительными разлуками, приносящими им боль и страдания.

Вторая женщина была светловолосой. Она тоже обладала хорошей фигурой и приятной внешностью. Когда она проходила мимо, мужчины поворачивались ей вслед. Их взгляды проникали сквозь одежду, вызывая внутреннюю дрожь и ликование этой не молодой женщины, и наводили ее на воспоминания о добрых старых временах. У нее тоже было двое детей, но на этом ее сходство с той, первой, кончалось. Во всем остальном они заметно отличались друг от друга.

По утрам она кое-как приводила себя в порядок и принималась за приготовление завтрака. Наброшенный на обнаженное тело халат то и дело распахивался. Раньше это возбуждало мужчину. Он подходил к ней, обнимал левой рукой, и губы их сливались в долгом поцелуе. В то же время его правая рука, проникнув под халат, принималась призывно разгуливать по ее телу. Не отрываясь друг от друга, они начинали медленно двигаться в направлении еще не убранной постели...

Все это было. Теперь его не трогала белизна ее кожи и полная все еще красивая грудь, а родовые шрамы, мелькавшие за полами распахнутого халата, и сетка мелких морщинок вокруг глаз наводили на мысли о бренности человеческого тела.

Как и та женщина, она боролась с отрицательным воздействием времени, противопоставляя ему самые современные косметические средства, но делала это лишь тогда, когда собиралась на улицу или ожидала гостей. Подобно той она тоже обращалась к нему со своими просьбами, но просьбы эти носили, как правило, требовательный характер. Если он отказы-

вал, она не успокаивалась, а, не считаясь ни с чем, всеми правдами и неправдами добивалась своего.

В конце концов ему все опостылело, он возненавидел эту женщину и стал искать выход из создавшегося положения...

Я не знаю, чем закончилась эта история. Я услышал ее в тамбуре электрички от мужчины лет сорока – сорока пяти, когда однажды погожим осенним утром ехал в лес за грибами. Внезапно перед нами появилась чернявая миловидная женщина, и мужчина прервал свой рассказ. Обменявшись двумя – тремя фразами, они извинились передо мной и вошли в вагон.

Вернувшись домой, я перенес его рассказ на бумагу и даже придумал хорошую концовку, но потом решил оставить все как было. В конце концов, каждый человек сам решает свою судьбу.

Временами, когда мне становится грустно, я вспоминаю ту осеннюю поездку, мужчину и его недосказанную историю.

март 1988 г.

(продолжение следует)

CHERCHEZ LA FEMME¹

Ищите женщину! Да-да, ищите! Как только приедете на юг, сразу же ищите. Столовая, квартира, врачи – это все потом. В первую очередь найдите ее, иначе ваш отпуск будет неполноценным. Так говорили мне сослуживцы, когда я, тогда еще молодой и, как полагал я сам, достаточно красивый, собирался в свою первую поездку в Кисловодск.

– Зачем мне женщина? – задал я недоуменный вопрос.

Окружающие подозрительно захихикали, а один из них многозначительно протянул:

– Да – а – а, – и покрутил указательным пальцем около своего виска.

Вообще-то я, конечно, слышал много всякого о курортных романах, о женщинах согласных на все и, чуть ли не бросающихся в объятия мужчин, но не особенно верил во все эти рассказы и уж во всяком случае сам в подобные приключения пускаться не собирался.

¹ Ищите женщину, франц.

В купе помимо меня ехало еще трое: две женщины и мужчина. Поезд отходил глубокой ночью, поэтому все пассажиры быстренько переоделись и завалились спать. Ночь прошла спокойно. Наступило утро.

И тут началось то, что обычно происходит в поездах дальнего следования: все принялись дружно есть. А потом пошли бесконечные дорожные разговоры. Интересный все-таки народ пассажиры. Каждый из них съедает за день столько, сколько дома не осилил бы за целую неделю. А если принимается рассказывать о себе, то выкладывает все, начиная с пеленок.

Попутчики, завершив свои автобиографические повествования, перешли к рассказам о болезнях, на фоне которых мои собственные недуги стали казаться мне легким насморком, так что я даже начал опасаться, как бы кисловодские медики не превратили день моего приезда в день отъезда. Последнее обстоятельство, да еще предстоящий поиск женщины свели на нет хорошее настроение, и я прибыл на курорт в состоянии некоторой подавленности.

Сдав чемодан в камеру хранения и минуя курортное бюро, я бросился на поиски незнакомки. Женщин было хоть пруд пруди, но почти все с мужьями. А те, что без мужей, не подходили по возрасту: либо пионерки, либо пенсионерки.

Позже я узнал, что те, кого я принял тогда за мужей, вовсе и не мужья, а такие же, как и я, только приехавшие раньше. Короче говоря, поиск женщины в тот день оказался безуспешным.

На следующее утро врач, терпеливо выслушав мои жалобы на бессонницу и плохой аппетит, назначил мне всевозможные процедуры и на прощание сказал:

– Не мешало бы вам, так сказать, для поднятия аппетита познакомиться с хорошенькой женщиной, но это строго между нами.

Выйдя на улицу, я снова пустился в бега...

Вечером хозяин, у которого я остановился, с явным удовольствием пересчитывая полученные от меня деньги, и, видимо, удовлетворенный их количеством, произнес:

– Можешь приводить баб.

Ничего себе, подумал я, и этот туда же. Но вслух ничего не сказал и отправился спать. Так завершился второй день моего пребывания на курорте.

Примерно через неделю я все-таки нашел ее, вернее – она меня. Она подошла и обратилась ко мне с каким-то вопросом. Ответил. Спросила о чем-то еще. Я повернулся и внимательно посмотрел на нее. Она, не менее внимательно, на меня. И тут я понял, что «влип». Поиск завершен. Одиночество кончилось. Дни полетели в два раза быстрее.

В ту поездку я многое узнал о курортниках. Оказывается, больше половины из них здоровее здоровых. Я понял это, когда увидел как они буквально «прут» по терренкуру² не хуже настоящих марафонцев. И еще я понял, что женщина действительно нужна. Просто необходима. Потому что взбираться на эти дурацкие горы и поглощать то, что здесь именуется пищей, можно только тогда, когда чувствуешь на себе ласковый взгляд представительницы прекрасного пола.

Теперь, когда ко мне обращаются за советом в связи с предстоящей поездкой на юг, я произношу только одну фразу: “Шерше ля фам!” и повторяю ее по-русски: “Ищите женщину!” А то, что там все напропалую гуляют, это все брехня. А может быть и нет. Я точно не знаю. А вы знаете?

февраль, 1988 г.

КИСЛОВОДСК

Город нарзанных ванн и источников, горячего солнца и белого снега, пьянящего воздуха и красивых женщин, волнующих встреч и щемящих душу расставаний вновь передо мной. Кисловодск. Живой калейдоскоп. Куда ни пойдешь – масса интересного. Благодатный, неисчерпаемый край для отдыха, любви и сатиры.

Основным лекарством является ванна, время пребывания в которой строго регламентировано – 12 минут и ни секунды больше. А вылезать никому не хочется, и потому большинство стремится продлить эти купания, для чего пускается на всевозможные ухищрения. Одни закрывают глаза, чтобы не видеть световое табло, сигнализирующее об окончании процедуры. Другие, вынув пробку, затыкают сливное отверстие пяткой, препятствуя стоку воды. Третьи пытаются подкупить обслуживающий персонал и делают это довольно успешно.

² Терренкур – пеший маршрут.

Несмотря на скоротечность таких процедур, во время их приема порой возникают довольно щекотливые ситуации. Правда, попадают в них, в основном, новички. Нечто подобное однажды пришлось испытать и мне самому. Купание подходило к концу, когда совершенно неожиданно передо мной появилась очаровательная молодая женщина и осведомилась о моем самочувствии. Неудовлетворенная моим мычанием, подошла вплотную и попросила дать ей левую руку, именно ту, которая в этот момент была занята. Я замешкался.

– Хорошо, – сказала она, – давайте правую. Позднее я, конечно, пообтерся, перестал стесняться и, откликаясь на подобные просьбы, смело протягивал сразу обе, на выбор.

Помимо ванн, назначают еще прием нарзана вовнутрь, по стакану 3 раза в день. Здесь надзора никакого. Можно пить, сколько влезет, благо, что туалет рядом. Некоторые так и поступают. Нарзан двух видов. Назначают кому какой. Мне, например, каждый год чередуют и это неудивительно, потому что врачи разные, и у каждого свой метод. Чтобы не сомневаться, пью и тот и другой поровну.

Существует еще множество процедур, но их можно получать и дома. Отдельные отдыхающие этого не понимают, хватают все подряд и с утра до вечера, пыхтя и потея, носятся из кабинета в кабинет, доводя себя до полного изнеможения.

Кисловодск славится не только нарзаном, но и обилием сувениров. Чего здесь только нет! Но особо популярны рога, которые везут отсюда женщины в подарок своим мужьям. Не те – символические, которые нельзя пощупать, а настоящие, от животных. Не знаю, как относятся другие мужья к таким сувенирам, но если бы моя привезла такой подарок, я бы ей всыпал по первое число.

Из множества достопримечательностей города несомненный интерес вызывает железнодорожный вокзал. Известен он не столько своей архитектурой, сколько женскими слезами, обильно поливающимися перрон перед отходом очередного поезда. Люди, нашедшие друг друга, разъезжаются по своим домам. Расстаются навсегда. Через какое-то время многие из них вернутся, и все начнется сначала. Такова жизнь!

март 1989 г.

АНАСТАСИЯ АНОХИНА

Анастасия Михайловна родилась в 1983 году в Москве. Получила среднее образование в 2000 году. Затем получила профессию «Хореограф» в Колледже Искусств г. Щербинка. В настоящее время учится в джазовом Колледже. Стихи пишет с детства. Дебютантка альманаха.

БЫЛО Б НУЖНО...

Обними меня нервной уснувшей рукой,
Ты же знаешь, как лучше о многом сказать,
Ты же сможешь найдись среди немых облаков
Или веришь, что понял, где правду искать.

Ну а я только отклик ночного звонка,
Что проводит к тебе разноликий народ,
От тоски жаждет вечно лить глас с потолка,
Даже если никто в твоём доме не ждёт.

Я надеюсь понять одинокость пути,
Я боюсь разгадать то, что знать не дано,
И в минуту рассвета меня отпусти,
Отпусти, так судьбою моей решено.

Я ненужная рыба за связкой китов,
Затонувшая льдина в громаде морей,
Я нелепый моряк и плохой крысолов,
Потому я и слышу твой храп среди ночей.

Я не сплю, я вникаю в твою немоту,
В равномерном дыханье, рисуя рассказ,
Твою нежность в словах я нигде не найду,
Потому и ищу во всем зов твоих фраз.

Я бинокль, сквозь который лишь виден апрель,
Затуманенный компас для розы ветров,
Легковесный стакан для внимающих хмель,
И худая березка для порции дров.

Я в погоне за свежей картиной из снов,
Я устала, ловя невозможности спать,
В поздний час ты меня даже знать не готов,
Да и я, наконец, научилась мечтать.

Ты не знаешь меня уже восемь часов,
Утро снова заставит меня не забыть,
Я же воздух, которым ты делаешь вздох
И та жизнь, за которую можно убить.

Лишь посплю я, конечно же, сразу вернусь,
Я вернусь, но, наверно, уже не к тебе,
Я – так много, что мной озаряется путь,
Не намерена я безразличность терпеть.

Ты не знаешь меня уже восемь часов,
Утро снова заставит меня не забыть,
Я же воздух, хранящий тебя волей снов,
И та жизнь, за которую можно убить,
Было б нужно...

Ты знаешь,
Я думала долго о нас,
О мертвой судьбе,
И все слушала ветер,

В немом восклицанье
Потерянных глаз,
Грехами умывшись,
Так хочется верить

И ждать бесконечно
Таинственных лет,
Несущих ответ
На вопрос покаяний,

Узнать на века,
Что здесь есть человек,
Способный понять
И незыблемо мерить

Шагами разлук
И волнующих бед
Отрезки любви
И мирских воздаяний.

19.06.04

ВЛАДИСЛАВ БАСУКИНСКИЙ

Владислав Дмитриевич родился 22 сентября 1937 г. в Москве.

После окончания в 1960 г. МВТУ им. Н.Э. Баумана работал в конструкторских бюро Института химической физики и Института физики Земли АН СССР, ЦНИИГА и К. С 1977г. по 1997г. был научным редактором журнала «Техника кино и телевидения» по разделу «Кинотехника».

Чёрным квадратом Малевича
Замкнута жизнь моя.
Белое обрамление –
Спасенье моё – семья.

Поскольку семьи не имею,
Белое тоже яд.
Чёрное не светлеет,
Нет и пути назад.

Честны намеренья, но веры нет в успех:
Черты отменные, как видно, не для всех.
Часты намёки, а ты не слышишь их.
Остыть, замолкнуть – пусть грусть пронзает стих.

Я пою, когда мне тяжело:
Ведь один я в жёстком, чуждом мире,
И не радует душу и плоть
Милая, не ставшая кумиром.

Да, она со мной не полетит
На крыле фантазии нелепой.
Приземлён её аппетит,
Ограничен телефонным лепетом.

Ты в душу мне не вольёшь
Покой, если вдруг беда,
Не дашь мне любовную дрожь,
Коль встретимся иногда.

И вот уже много лет
Мы вроде бы и друзья.
И всё же скажу я: “Нет,
Мы разные два ручья”.

И вновь во мне покоя нет,
А во дворе щебечут птицы.
Холодный сумрачный рассвет
В моё окно опять глядится.

Не знаю, солнце ли взойдёт,
Забарабанит дождик частый,
Любовь – души моей полёт,
Стремление к тебе не гаснет.

Может, ты мне уже и встретилась,
Но наши пути разошлись.
Ты пролетела кометою трепетной,
Хвост свой огненный распушив.

Ну, а я стоял огорошенный:
Красив, но гибелен итог.
Где найду я такую хорошую,
Хоть искать её вечно готов?

Ты неизвестная, чужая,
Но всё же мне близка чуть-чуть.
Я словно прикоснулся к раю,
Войти не дали, грозно крикнув: “Чур!”

И ты пошла своей дорогой,
А я отправился своей.
Как жаль, что нас у близости порога
Развёл неведомый злодей!

Зелёная трава. Белёсые дома.
И лужи тёмные зеркалят отраженьем.
Уходишь ты одна. Уходишь ты сама
В финале нашего печального сраженья.

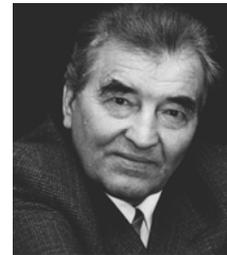
Я у окна стою. С тревогою смотрю.
Шаги, твои шаги... Их путь в иное начат.
Решение уйти, увы, не хитрый трюк,
А сердце прыгает в груди, как мячик.

Не знаю, как тебя благодарить
За то, что неожиданно явилась.
Как будто золотая нить
В нить жизни серую вплелась и засветилась.
И одиночество столь долгое моё
Ты отвела задумчивой рукою
И старое и пыльное жильё
Наполнила заботой и покоем.

Морфей зовёт меня к себе.
Призывно машет мне крылами.
Я ухожу от жизни бед
И погружаюсь в мир желаний.

Я эйфорией сна объят,
Он снова мною хороводит.
И нет пока пути назад:
Сон подавляет мою волю.

ВЛАДИМИР БЕЛИКОВ

Родился в небольшой деревушке Новинки, затерявшейся в лесной глубинке Костромской области. Родители мои переехали в Кострому, а меня оставили на попечение бабушки Анны Сергеевны – моей Арины Родионовны. Она научила меня читать и пробудила во мне интерес к поэзии, особенно к стихам Н. Некрасова, которые она знала почти наизусть.

Вообще вся деревня жила как одна семья, многие соседи были в родственных отношениях. Неудивительно, что все их многочисленные праздники и торжества отмечались шумно и весело. Озорные частушки, песни и пляски под балалайку или под гармошку приводили меня в восторг и глубоко запали в душу.

Учился в Костроме. В то время у нас было раздельное обучение – мальчики и девочки учились в разных классах. Общались мы с девчонками в основном в кружках художественной самодеятельности. Таким путем мне довелось даже выступать в Костромском театре им. Н. Островского и по областному радио.

После окончания школы поступил в МАИ и получил диплом инженера в 1959г. Учился вместе с будущим космонавтом Владиславом Волковым.

По распределению работал на заводе, где изготавливались ракеты, в том числе и та, которая сбивала американский ипионский самолет У-2. Директор этого завода устроил встречу с Юрием Гагариным в ЦТСА, где мне посчастливилось пожать руку первому космонавту Земли. Тепло этого рукопожатия ощущаю в себе до сих пор. С космонавтом Виктором Пацаевым я жил по соседству в Долгопрудном.

Творческий вклад в авиационную технику отмечен знаком “Изобретатель СССР”.

Занятия поэзией привели в Союз писателей. С 2002 года я член Союза писателей.

ЭЛЕГИЯ РАХМАНИНОВА

К роялю вышло юное созданье
И в атмосфере трогательно – милой
Горячая волна очарованья
Нахлынула и души захватила.

Порхали руки, как на взлёте птицы,
Из клавиш звуки страстно извлекая,
И разом зал притих, светлели лица,
Божественной мелодии внимая.

Рахманинов. Элегия звучала,
Спокойствие привычное нарушив,
Хотелось, чтобы чудо не кончалось –
Одну элгию бы вечно слушать.

Но смолк рояль, и тишина взорвалась
Порывом шумного рукоплесканья
И в чутких душах навсегда остались
Признание, любовь и ликование.

Виновица отклонялась смущённо,
А струны утомлённые смолчали,
Что вызван был успех определённо
В единстве исполнителя с роялем.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Все мы нынче живём по средствам –
Вам осётр, а низам – чешуя,
А не стыдно, правители, вам
Жить на свете, чужое жуя?

ТАМ, ГДЕ ПАЛЬМЫ, ТАМ, ГДЕ МОРЕ

Там, где пальмы, там, где море,
Солнца жар и знойный пляж
Жизнь прекрасна, кто же спорит –
Вышей степени кураж!

Где-то лайнер белоснежный
Совершает свой круиз.
Этой жизни безмятежной
Я кричу с восторгом – бис!

Дивный остров в океане
Словно сказка наяву!
Обеспечит вам вниманье
Крупный счёт, по существу.

И экзотику, и климат,
Мелодичность попури
И услуги по интиму
От зари и до зари!

Так живут земные боги,
Даже лучше чем в раю!
Помечтал и я немного
У обрыва на краю!

ЗНАЧИТ, ЛЮБЯТ!

По лицу мне ветви власти
От души нещадно лупят!
Взвыл истошно я от счастья –
Если бьют, то, значит, любят!

О, КАК ПЕТРА НАМ НЫНЧЕ НЕ ХВАТАЕТ!

За что такая радость нам свалилась?
Шаг до смешного сделан роковой!
И нет Великого. Всё завершилось
Ужасным фарсом, пошлою игрой.

До боли жаль. На что это похоже –
Попятили нас задом наперёд –
Сжимаюсь, как шагреновая кожа,
На дно Россия - Матушка идёт!

Стоят заводы, чахнут нивы,
Когда очнётся чудная страна?
Лишь хищный доллар властвует спесиво,
Наверно, в этом – общая вина?

У олигархов жир физиономий,
Зато стройнее стал народ простой –
Теперь он больше не хозяин в доме
И дом его ограблен и пустой.

От беспокойных мыслей соль глотает –
Прольёт слезу – несчастьям череда.
О, как Петра нам нынче не хватает,
Чтоб не померкла Родины звезда!

БОРОДАТЫЕ СТИХИ

... «Бородатые стихи» – это стихи о бороде, но «бородатыми» я называю их и поэтому, что были написаны они очень давно, в 1946 году, когда мне было всего 12 лет и учился я в 4-м классе.

Мои родители жили в то время в посёлке «Новый быт» Костромской области, более известный в простонародье под названием «Дунькина деревня».

На чердаке родительского дома для меня оборудовали небольшую летнюю комнатку или светёлку, в которой из окна было видно улицу. В комнатке для меня поставили кровать, столик, повесили книжную полочку и провели электрическое освещение. На моей книжной полке кроме учебников стояли книги с произведениями Пушкина, Лермонтова, Майн Рида, Марка Твена и кем-то подаренный, толстенный том Шекспира.

Мне нравилась эта комнатка, где никто не мешал. Я с удовольствием учил там уроки, много читал и частенько ради забавы отвлекался на сочинение всякого рода игривых и потешных стишков.

Записывая стихи на отдельных листочках, сворачивал их «журавликами» и пускал в окно. На улице листы подхватывала соседская детвора из семейства Уткиных, или Дудкиных, Потехиных и других замечательных, смешных фамилий.

Ребягня читала, хохотала и требовала новых. Я же входил в азарт, стараясь изо всех сил и не жалея бумаги. Надо сказать, что озорников среди детворы было и без меня предостаточно.

...До сих пор в памяти проносятся кадры, увиденные из окна светёлки.

На лужайке у дома напротив пацаны играют в карты, а рядом лежит Сашка, пьяный балбес. Ему слегка спустили штаны и в заднее место вставили ветку цветущего картофеля, росшего рядом с лужайкой, на которой они так невозмутимо играли.

Прохожие шарахались, плевались, а им хоть бы что. И это продолжалось до тех пор, пока не заметила его мать, не разогнала со страшной руганью всю компанию и не увела своего блудного чада домой.

Тем временем вдоль по улице детвора калибром поменьше катала совсем маленьких братьев Жёлтышевых – Васю и Витю.

Старшего дразнили Вася-кот, а младший ужасно завидовал ему. Он, как и Вася, тоже хотел быть котом и орал на всю улицу:

– Витя - кот! Витя - кот! Витя - кот!

И все хором со смехом поддакивали ему:

– Витя - кот! Витя - кот! Витя- кот!

Разумеется, эти и подобные им эпизоды тотчас находили отклик в моих цидульках³, и бумажные «журавлики» доносили их до адресата. К сожалению, я не вел дневник, не придавал им серьёзного значения и ничего из этого не запомнил, кроме одного, посвящённому дядьке с лохматой бородой, случайному прохожему, который иногда появлялся на нашей улице.

*Дядя бороду носил,
Не чесал её, не брил.
Ни к селу, ни к городу
Вырастил он бороду.*

*Надоело бороде
Вечно быть в такой беде,
И решила борода
Дядю бросить навсегда!*

*Крепко дядя раз заснул,
Бородой во сне мотнул,
Унесли ее коты.
Нет больше бороды!*

*Распрощался с бородой,
Стал красавец удалой!
Девки бегают за ним –
Хорошо быть молодым!*

Не раз дразнили мы того дядю этим стихом, а вот сбрил он свою бороду или нет, – этого я уже точно не помню.

³ Цидульки – письмецо, бумажка, на которой что-нибудь записано.

МИХАИЛ БОГДАНОВ

Родился 20 октября 1923 года в деревне Литвиново Осиновского сельсовета Куйбышевского района Новосибирской области. 20 декабря 1941 года призвали в армию. Начал воевать на Донском фронте с весны 1942 года, в городе Калач, участвовал в боях в Сталинграде в районе завода Баррикады в 112 стрелковой дивизии 62 армии. Затем на Степном фронте в 13 гвардейской дивизии. После ранения на 3 Белорусском фронте в 31 армии 174, 220 дивизиях участвовал в боях от города Смоленска до Прибалтики, Польши, Германии. В Венгрии был в 7 армии 142 стрелковой дивизии. Описанные события, фамилии солдат и офицеров подлинные.

В настоящее время живет в Казахстане в городе Рудном.

ПОВЕСТЬ О МОЕЙ ЖИЗНИ

(отрывок из Главы 1)

В том году у нас украли любимую лошадь отца. Красивого рыжего коня, отец его очень любил. Где мы его только не искали, в Барабинске, в Куйбышеве, все объездили, сообщили в милицию, но все безрезультатно. Потом через год наш деревенский Сенька Баран признался отцу в пьяном виде, что Рыжку украл он и продал его на станции Каргат, в 120 километрах от нашей деревни. Этот Сенька Баран был нам родственник, родной брат тети Фены, жены нашего дяди Вани.

Конечно, другой бы не простил этого, но наш отец даже ему в морду не дал, и грубого слова не произнес, только посмотрел на него и сказал:

— Спасибо, что признался.

Хотя он очень переживал, что украли лошадь. Некогда не курил, после этого стал курить, правда, потом вскоре бросил.

Не прошло года, как у нас опять украли коня. Хороший вороной конь, мы за него двух коней отдали дяде Алеши. Конь

красавец, черный справный, грива лохматая, сильный, мы грузили на телегу до одной тонны груза, сами с отцом садились на воз и ехали 25 километров. Хотя бы конь вспотел.

Один у него был недостаток, не всегда давался, трудно было его поймать, старался укусить. Один раз схватил меня за руку, вырвал с мясом. Долго его зубы были у меня на руке, как отметина.

Вот такого вроде и сердитого, а смогли поймать и увели. Мы также все объездили, но не нашли, а он, оказывается, был рядом с нашим домом. Трое суток стоял между двух плетней, пока мы не перестали его искать, а потом его увели в Замеша, так у нас назывались озеро, заросшее камышом, высохшее без воды, и прирезали на мясо.

Год был голодный, с хлебом было плохо в Сибири.

Прирезали деревенские. Иван Турнаев, прозвище его было Курва. В деревне его называли первым вором.

Не прошло двух месяцев, у нас опять пропал бычок шестимесячный, ходил, пасся у дома и исчез. Весь вечер его искали. Обошли всю округу. Прошел день, другой, а теленок не объявлялся.

На третий день к нам пришла девочка Груня, моя одноклассница и хорошая подруга, мы с ней часто играли и дружили в детстве, она говорит моей маме:

— Тетя Дуся, я сегодня была у Апостованых (так их деревенские называли, а настоящая фамилия их была Басалаевы), вот я там у них видела обрезанную голову теленка. Голова похожа на вашего бычка, красная, на лбу белое пятнышко.

Родители об этом рассказали члену исполнительного комитета поселкового совета, как представителю Советской власти на селе, а им был двоюродный брат моего отца, Богданов Кузьма.

Он решил создать комиссию под своим председательством, в члены комиссии вошли: сельская учительница, один крестьянин и моя мама, как потерпевшая. Они стали проводить обыск в домах, не доходя подозреваемых за два дома, чтобы не догадывались, что им известно, кто украл.

Когда вошли в дом Басалаевых, они как раз обедали, по всей видимости, не ожидали. Им объявили, что к ним пришли с

обыском. Хозяйка вскочила, схватила кости, которые были на столе, обглоданные, и бросила их в русскую печь.

Тем самым выдала себя, так как насторожила комиссию. А потом выбежала из дома и заскочила в амбарчик. В деревянной кадке было засоленное мясо, она стала его оттуда выбрасывать на пол в темные углы, пыталась скрыть следы, но получилось все наоборот.

Факт хищения бычка был подтвержден, на основе чего комиссией был составлен акт и передан в народный суд для привлечению к ответственности. На суде Басалаевы признали свою вину. Суд вынес решение возместить убыток моим родителям в сумме 125 рублей. Эти деньги они нам выплачивали в течение года.

Но вся беда в том, что на всю жизнь мы стали врагами. Хотя раньше мой отец и Басалаев Василий были друзьями. И вот этот друг обворовал больного инвалида.

Не могу ни написать о трагической истории, что произошла в нашей деревне на моих глазах.

Люди отдохали. К нам на троицу пришел Юрасов Данила, единственный в деревне коммунист. Зачем он приходил к отцу, я не помню, но знаю другое, что к нам еще приходил двоюродный брат отца, звали его тоже Данила, но по фамилии Басалаев. Он пришел сказать нам, чтобы мы убрали лошадь, она паслась за огородом, а рядом росла картошка, она там валялась и примяла кусты. Отец меня послал, чтобы я перегнал ее в другое место. Они немного поговорили втроем, затем Басалаев направился домой.

Его увидел Кузьма Богданов, двоюродный брат отца, подзвал к себе. Данила даже в дом не зашел, а остановился у скамейки и сел на нее, чтобы выпить вместе с Кузьмой, Василием Басалаевым и с Дмитрием Зименко. Они решили сообразить, поскольку появился четвертый. Дмитрий Зименко пошел в магазин за водкой, а Василий и Кузьма разговаривали с Данилой.

Окно было открытое. Кто-то из них подал гармошку Даниле и попросил, что-нибудь сыграть, пока Дмитрий ходил за водкой. Данила с большим удовольствием взял гармошку и стал играть, а через дорогу жила его бывшая жена Наталья.

Они разошлись, не жили, а ссор между ними не было, встречались, как старые друзья. Вот эта Наталья увидела, что

Данила играет, пришла и давай под гармошку напевать частушки. Женщина она была веселая и очень красивая.

Многие мужчины посматривали на нее. Тут же рядом через дом от Наталии жил Зименко Дмитрий, его жена Фиктиста ревновала своего мужа к Наталии. Увидела она, что на их гармошке играет Данила, а Наташка поет частушки. Подбегает к ним с такой злостью, хватает за одну сторону гармошку и кричит:

— Чтобы эта проститутка под нашу гармошку песни пела! Не дам.

Когда схватила и потянула на себя, Данила не успел удержать ее в руках, и гармошку разорвали на две половины.

Фиктиста еще давай кричать, что гармошку порвали и что в этом виноваты Данила с Натальей.

Не разобравшись, Кузьма выскакивает из дома, налетел на Данилу с кулаками и кричит:

— Что ты сделал?

Тот ему пытается объяснить, но Кузьма его не слушает. Мужик он был горячий, самоуправный. Данила понял, что ему не докажешь, решил защищаться.

Кузьма намного старше, высокий сильный.

А Данила ростом небольшой и силенки, конечно, меньше. Он вынул складной нож, стал защищаться и говорит:

— Кузьма, не подходи.

Но Кузьма разошелся, рассвирепел, но ножа все-таки боится, не подходит к Даниле, побежал к моему дяде Проне:

— Я тебя сейчас застрелю.

В то время как раз дядя Проня был на охоте, поэтому ничего с ружьем не вышло.

Кузьма опять бежит к Даниле, и Данила никуда не уходит, кругом народ, и никто решительных мер не принимает, чтобы их развести.

Дети Кузьмы кричат, лезут к нему на шею, просят его, уговаривают и жена тоже с грудным ребенком.

Но Кузьма всех отталкивает от себя и кричит:

— Я его убью!

Выхватывает жердину из забора и этой жердиной ударяет Данилу, тот падает, он его, еще лежачего, два или три раза уда-

рил. Бросил жердину и спокойно пошел домой, а дом его рядом через один двор.

Когда он Данилу первый раз ударил, Данила упал и выронил свой нож. Этот нож Кузьма поднял и бросил в огород в картофельную ботву.

Люди закричали:

— Убил, убил.

Немного в стороне через дорогу делали ремонт дома наши соседи Григорьевы. У них был парень Левка, а ему помогал родной брат Кузьмы Николай, еще в то время холостой.

Они слышали крики и плач, выбежали на улицу. Смотрят толпа народа, что случилось, не поймут.

Когда подбежали, на земле Данила лежит, все кричат, что убили. Тогда Левка хватается Данилу за плечи и поднимает, тот очнулся. Они его подняли и поставили.

Кто-то сказал, что у него был нож, его Кузьма выбросил в огород. Левка перескочил через забор и стал этот нож искать в картофельной ботве. Ботва густая и высокая.

Нашел он этот нож или свой отдал неизвестно, но у Данилы оказался опять нож. Немного придя в себя, он вроде решил идти жаловаться, за что его Кузьма чуть не убил. И пошел в ту сторону, где жил Кузьма, шел по левой стороне улицы, а Кузьма наоборот жил на правой стороне.

Только сравнялся он с тем домом, его увидел Дмитрий, который ходил за водкой и кричит Даниле:

— Ты еще живой, кулацкий сынок?

Хотя в кулаках семья Данилы не была, но жили хорошо. Вот тут Данилу взяла уже настоящая обида, он сворачивает к дому. Дом высокий. У окна стояла скамейка. Встает на скамейку и говорит:

— Какой я кулацкий сынок?

А Дмитрий пытается его ударить. Через окно хватается Данилу за волосы и тянет в дом.

В это время Данила Дмитрию наносит удар в ключицу. Дмитрий падает. В доме переполох. Дети и жена Кузьмы кричат:

— Зарезал, зарезал!

В то время Кузьма находился в кладовке, лежал, но не спал. Когда он услышал крики, вбежал в дом, видит, что на скамейке

стоит живой Данила, а Дмитрий лежит на полу. Он так же через окно бросается на Данилу, но тот его ножом ударяет в грудь.

Тогда Кузьма выбегает из дома во двор, находит там колун, бежит в дом, выскакивает из окна и бежит вдогонку за Данилой, который уже отошел от дома далеко

Все люди ахнули.

Из окна дома выскакивает человек, из его груди, как из ба-рана, бьет фонтаном кровь, и он бежит с большим топором, держит его правой рукой выше своей головы, а левой пытается закрыть рану. Люди закричали:

— Данилка, беги, догонит тебя, зарубит.

Данила обернулся, увидел это и побежал. Но бежать, по всей вероятности, уже у него тоже не было сил. Он свернул к дому к тем парням, которые его подняли, когда его Кузьма сбил колом и только успел вбежать в ворота.

Его Кузьма уже догонял и замахнулся, чтобы ударить тут же, в воротах. Но ударить не успел, ему помешал младший брат Николай, который к этому времени подскочил сзади и схватился за топор. Оба удара ножом оказались смертельными. Дмитрий умер через 40 минут, а Кузьма раньше.

Через несколько часов из сельсовета деревни Осиново приехали милиционер и врач. Помощь запоздала.

У Данилы была выбита рука из предплечья. Его бывшая жена, Наталья, подвесила ему руку на перевязке, и он пришел к дому Кузьмы, лег на траву, ожидая своей участи. Участковый допросил очевидцев и забрал Данилу, увез его в сельсовет на допрос.

Его держали трое суток, а потом повезли в тюрьму в город Куйбышев.

Ехали через нашу деревню, когда подъезжали к деревне, на кладбище шла похоронная процессия, несли три гроба, один умер по болезни, двое были убитые: Кузьма Богданов и Дмитрий Зименко.

Вот с этой процессией встретился Данила Басалаев, зако-ванный в наручники. Он попросил охрану, чтобы ему разрешили присутствовать при захоронении. Охрана разре-шила ему. Он плакал и причитал, что все произошло глупо, он совершенно не хотел этого делать. Они сами погубили себя и его, не разобрались.

Виновной была жена Дмитрия Зименко, которая заварила эту кашу, из-за какой-то проклятой гармошки оставила своих сыновей сиротами и детей Кузьмы Богданова. Мать у троих бы-ла не родная. Она сразу после похорон со своей дочерью уехала в город Барабинск. А остался дядя Николай холостой, больной, его часто бил припадок.

За хозяйку в доме стала Аня, в 12 лет все пришлось делать самой: печь хлеб, готовить, доить корову, стирать на всех и вос-питывать двух братишек. Саше было 8 лет, Пете – 6 лет. Дядя Николай после этого случая не прожил пяти лет, умер.

Судьба Данилы сложилась так, его осудили на восемь лет. Рука у него вначале совсем отказала, стала сохнуть, а потом нашелся какой-то врач из заключенных, руку ему спас, вылечил. Просидел он всего четыре года, вышел по амнистии. Вернулся домой в деревню.

Но ребята Кузьмы и Дмитрия выросли и стали грозиться, что мы Данилу убьем за наших отцов. Тогда ему мой отец посо-ветовал уезжать из деревни подальше от греха.

Данила послушался отца и уехал из деревни на Украину в город шахтеров Сталино, сейчас Донецк. Работал в шахте, же-нился на украинке, дважды приезжал в деревню в отпуск к матери, привозил подарки.

На Украине было получше с промышленными товарами, чем у нас в Сибири, за товарами ездили в Москву, Ленинград, Киев.

Во время войны Данила служил в Красной Армии, оказался в плену, бежал и опять воевал, но потом связь с ним оборвалась: или погиб в бою, или снова попал в плен.

Дети Кузьмы выросли. Саша погиб в 1943 году на фронте. Петр после войны работал в Барабинске, попал под поезд, тоже погиб. Аня вышла замуж, уехала в Барабинск, нарожала четве-рых детей. Сейчас на пенсии, муж умер. Младшая сестренка Таня, что осталась с матерью, тоже живет в Барабинске.

Как сложилась судьба ребят Дмитрия, я точно не знаю. Они тоже переехали в Барабинск и жили по улице Советской, я встречал их после войны.

События в 1933 году в деревне осложнялись тем, что, во-первых, год оказался не урожайным. Пришла сильная засуха. Крестьяне остались без хлеба. Многие бросали село и уезжали в

город, где можно было заработать себе на пропитание и прокормить семью.

Уехали все три брата моего отца: Иван и Алексей в Барабинск, а Прокопий – на железную дорогу на разъезд Труновск. Уехали также двоюродные братья: Петро в Барабинск, а Костя в Труновск.

Остались мы одни в деревне, ехать нам некуда. Лошади нет, а крестьянин без лошади – не крестьянин. Но что поделаешь, где ее взять? Мы жили своим подсобным хозяйством, огородом, корова давала молоко, иногда излишки продавали, покупали хлеб. Отец в летнее время сидел с девчонками, а мы с мамой работали. В поле косили сено, заготовливали на зиму корове.

На сенокос ходили пешком и возвращались оттуда также пешком. Расстояние до нашего покоса – четыре километра. Косили вручную косой. Я еще не косил, только помогал маме сгребать сено ручными деревянными граблями и складывать сено в копны.

Однажды мы с мамой возвращались домой, и неожиданно встретили отца, он ехал к нам навстречу на лошади. Обрадовались, что отец нас встречает. В тот день здорово поработали и сильно устали так, что еле плелись домой. Не могли представить, откуда у отца появилась лошадь, но он нам рассказал, когда мы сели на подводу и поехали домой.

Оказывается, эта лошадь уже два дня паслась около нашей деревни. Ее увидели односельчане. Лошадь неизвестно чья, и откуда появилась, никто не знает. Моему отцу посоветовали, пока не найдется хозяин, взять ее себе и поработать по своему хозяйству, хотя бы сено, что заготовили, перевести домой. Люди понимали состояние моих родителей.

Отец послушался доброго совета, кого-то послал или сам поймал. Привел домой. У нас сбруя и бричка была. Вот он запряг ее и поехал к нам на покос. Лошадь оказалась справная и видная. Когда нам отец рассказал, мы очень обрадовались, что теперь кое-что сможем сделать. Особенно радовался я, что пешком не надо ходить. Вечером отцу пришлось выйти в ночь сторожить лошадей.

Всех лошадей крестьяне в деревне сводили в один табун, и по два человека их ночью пасли и охраняли.

Как раз очередь охранять пришла нашему соседу, а поскольку у нас появилась лошадь, то ее нужно ввести в общий табун и отцу пришлось в ту ночь пасти вместе с двоюродным братом Николаем. Лошади паслись за огородами, задами, а дальше проходила березовая роща, за ней Костылевское озеро.

Светила луна. Иногда проходили небольшие тучки, закрывали луну. Лошади разбрелись по полю. Кругом рос большой высокий бурьян, а среди него пырей. Лошади эту траву любят. Отец мой говорит:

— Николай, иди, собирай лошадей в кучу, кто-нибудь еще надумает ехать в Барабинск.

У нас люди часто ездили в Барабинск на базар.

Только Николай ушел и стал сгонять лошадей в кучу, как из проулка появились два человека, и пошли в сторону табуна и шли туда, где находился мой отец. Когда они не дошли метров 200-300, отец их стал окрикивать:

— Кто идет? — но они молча продолжали приближаться. Луна-то выйдет из-за тучи, то спрячется, и отцу было трудно рассмотреть их лица.

Когда он понял, что дело принимает другой оборот, что люди идут не с хорошим намерением, он стал кричать и просить о помощи:

— Караул, убивают!

Мама спала дома на русской печке, сразу услышала, не раздумывая, выскочила на улицу и стала стучать в окно бабушке и кричать, что убивают Андрея.

Тут выскочил дядя Алеша и крикнул:

— Бежим!

Неизвестные сразу бросились в сторону рощи. Поднялся народ. Пришли мужики к табуну, усилили охрану. Не прошло тридцати минут, как отчетливо послышалось, что из рощи выехала телега и направилась в сторону запада. Стук колес ночью слышен хорошо.

Утром, когда отец вернулся с ночной, он отказался от этой лошади. Ее увели туда, где взяли, а через день этой лошади не стало, и больше она не появлялась.

ВЛАДИМИР БОГДАНОВ

Родился в городе Барабинске Новосибирской области. Работал в геологических партиях по разведке месторождений нефти в Нижневартовке, Мегионе, Самотлоре, Туруханске и поиске и добыче россыпного золота на приисках в Магаданской области. После окончания Московского горного института и факультета Московского геологоразведочного института работал в институте "ГИНАЛМАЗЗОЛОТО".

В настоящее время живет в Москве. Член СП России.

В ВЕСЕННЕМ ЛЕСУ

Под елями зацвела кислица. Лепестки её цветков ещё не распустились в этот час, они, как белые колокольчики с сиреневыми прожилками, напоминают о снеге.

В тени густой еловой хвои сквозит приятный холодок. Во мраке леса хорошо заметны цветы кислицы, они рассыпались под елями, искрятся светом.

Если посмотреть вверх на кроны деревьев, то поражает неповторимость красок. На фоне голубого неба и густой хвои ёлок, пронизанные лучами солнца, ярко горят салатовые листья берёз.

Недаром здесь поют птицы, воспевая величие леса. С каждой ветки слышатся трели крылатых певцов: пеночек-трещоток, дроздов, корольков.

Под разряженным пологом леса, где растут берёзы, нежно цветут сиреневые орхидеи леса, хохлатки с гроздьями цветков на тонком коричневом стебле с душистым сладким запахом.

Пройдёшь немного по тропке и попадёшь в дубняк, чернеющий голыми стволами, поверив весне, он наконец-то очнулся ото сна. С высоты крон деревьев не разглядишь ветки, но они зацвели, шарики цветков, как жёлто-зелёные облачка, pokrыли их верхушки.

А на зелёном ковре трав всюду цветут лютик и чистяк. После первых дождей земля сырая. Текут ручьи из лесного болотца.

Я подошёл ближе, привлечённый необычными жёлтыми пятнами каких-то цветов среди осоки. Это цвела калужница, грозди её лепестков, не выдерживая тяжести толстых стеблей, наклонились к воде.

Неожиданно для себя я застал врасплох рыжую лису—огнёвку с серым пушистым хвостом.

Она находилась посередине болота, искала, может быть, птичьего гнёзда на кочках. Заметив меня, лиса сделала две петли у меня на виду и исчезла в чаще леса.

Я потянулся рукой, тронул пучок свежих листьев осоки и спугнул, греющуюся на солнце коричневую лягушку с серебристыми искринками на брюшке.

Лягушка, не спеша, перебралась на другую кочку и спокойно смотрела на меня добрыми чёрными глазами с золотистой каёмочкой вокруг глаз. На её горлышке колыхалось от дыхания кожа.

Не лягушек ли здесь искала плутовка лиса?

Я перешагнул через упавшее дерево и пошёл к лесу.

ПОЕЗДКА

Вечером лёжа на кушетке, позвонил Каштанов Георгий своему другу детства Пешкову Василию Ивановичу.

— Вася! Как живёшь, мой дорогой?

— Жорка, ты что ли? — крикнул радостно в трубку Пешков, снимая очки и отставляя на время книгу.

— Да это я! Помогите. Моя дача развалилась. Жена осталась там. Пол почти сгнил. Ступеньки на крыльце рухнули. Говорит: сама мужика найдёт, если я не отремонтирую.

— Её зовут, мне помнится, Тамара?

— Нет, Ангелина Тимофеевна. Я год назад женился на ней.

— А Тамару куда дел?

— Да ну её, старуху сварливую! Всё равно детей нет.

— А сейчас, что молодая?

— Да, выручай. А то убежит к другому.

— Чем тебе помочь? Я же бетонным заводом руковожу! Что тебе из железобетона дом построить?!

— Не надо. Какие-нибудь доски мог бы привести, чтобы пол перекрыть? А то жена провалится, придётся ей новую причёску делать!

— Ладно, пришлю, – смеясь, ответил Василий Иванович, — пусть твоя зазнобушка спокойно дышит воздухом. Не волнуйся, завтра отправим машину с материалами.

На следующий день Василий Иванович вызвал к себе в кабинет мастера Смолякова Вячеслава Михайловича, тридцатилетнего мужчину довольно энергичного и жизнерадостного.

— Слава, на заводе, вроде, запарки нет. Выручи, съезди в Глинково. Ты там уже раз был. Я заказал машину. Погрузи в неё полкуба строганых досок, мешки с цементом, песком и щебёнкой. Ты в таких делах хорошо разбираешься, учить не буду.

С утра жарило солнце. Уже неделю не было дождей.

Через час прибыл на завод маленький самосвал на базе ГАЗ-51. Загрузили в кузов двухметровые доски. Сверху аккуратно уложили мешки.

— Как тебя зовут, дружок? – спросил Смоляков худощавого паренька, наверное, только вернувшегося из армии.

— Борис.

— У тебя путевка есть?

— Нет. Сказали, ехать на завод.

— Мы поедем в сторону Загорска.

— Я дороги не знаю.

— Покажем тебе. Поеду я и рабочий.

— Вдвоём нельзя. У меня самосвал.

— Как быть? Только я один знаю дорогу. Хозяйка тебе даст за это двадцать пять рублей.

— Двадцать пять рублей! – шофёр ахнул, загибая пальцы, стал считать, – это же восемь бутылок водки с закуской! Садитесь вдвоём! У поста ГАИ один из вас пусть на время пригнетса, чтобы его не было видно.

Машина выехала за территорию завода. На улице “8 марта” на обочине дороги стояло такси. Борис, не справившись с управлением, протаранил “Волге” бок, погнул дверную стойку. На своей машине помял облицовку и задел радиатор.

Таксист, плотный пожилой мужчина, выскочил из салона через пассажирское сиденье рикошетной пулей, начал ругаться, схватив паренька за грудки:

— Сопляк! Оболтус! Я же тебе ничем не мешал! Улица свободная! Ни одной машины! Ты что, ослеп? Зачем прижался к тротуару? Будем ждать патрульную ГАИ.

Смоляков и рабочий вылезли из кабины, спрятались за деревьями, издали наблюдали.

Гаишники составили акт. Отпустили самосвал.

— Ну, что, поездка отменяется? Как это тебя угораздило! – сердито сказал Смоляков, поморщился от тоски. К директору завода придётся идти объясняться.

Шофёр не знал, как поступить, в глаза заискивающе заглядывает, боится, что халтура пропадёт.

— Поедем дальше.

У поселка “Правда” температура воды в двигателе стала повышаться. Борис сбегал, зачерпнул из колодца ведро воды, залил в радиатор. Да ещё вдобавок поставил наполненное ведро между ног Смолякова, чтобы хватило до следующего колодца.

От тряски вода расплескивалась, обливала ботинки и брюки. Кабина маленькая. Втроём тесновато.

— Что же ты так неосторожно едешь! Где теперь колодец искать?! Не дотянешь до деревни, от пара двигатель, как котёл, взорвётся! – сердился Смоляков.

Ярославское шоссе в те часы было перегружено, а при въезде в посёлок суживалось. Быстро не поедешь.

За ними прицепилась колонна с инкассаторами. Обогнать самосвал не могут. Впереди едет милиционер на мотоцикле, сзади также. Сигналят водителю самосвала, чтобы он пропустил колонну, прижался к краю дороги. А Борис и в ус не дует. Сзади машины не видит. Бокового зеркала обзора у самосвала нет.

Не выдержал гаишник, вырвав между рядами машин, приблизился вплотную к кабине самосвала.

Услышав рокот мотоцикла, Борис, Смоляков и рабочий утаивались на гаишника.

– Вот влипли! – заметил-таки, что машина неисправная, да ещё в кабине сидят трое.

У милиционера лицо позеленело от злости, приподнялся он с сиденья, словно хотел шагнуть к ним в кабину. Одной рукой

за руль держится, а во второй – дубинка. Взмахнул ею, ударил по стеклу двери, разбил вдребезги.

Ойкнул Борис. Руль бросил. Руки на живот опустил, как покойник. Неуправляемая машина помчалась вниз под откос дороги.

Колонна инкассаторов невозмутимо проследовала дальше. Ей теперь никто не мешал.

Сколько метров машина прокатилась, никто вспомнить не может. Трясло в кабине по кочкам так, что зубами клацали, как плоскогубцами, и о потолок головами стукались. Ещё немного – превратились бы мозги в отбивные! Остановились, нарочно не придумаешь! У колодца. Бабоньки, гремя пустыми ведрами, как горох, рассыпались по сторонам.

Несколько сантиметров до колодца не доехали. Чуть на таран его не взяли! Вот, что значит случай! Не проехали мимо воды, спасли двигатель! Благо гаишник путь указал!

Добрались до дачного участка. Посигналили. Вышла к калитке молодая женщина.

— Нам нужна Ангелина Тимофеевна, – сказал Смоляков.

— Я Ангелина.

Смоляков посмотрел на неё с удивлением. Такая живописная фигурка. Лёгкий ситцевый халатик еле прятал привлекательный изгиб тела.

Ангелина узнала, что привезли им материалы, обрадовалась, побежала за ключом от ворот. Вернулась, подала ключ Смолякову.

— Вы, вижу, за главного. Я на вас полностью полагаюсь. Ничего не понимаю, что надо делать. Сами уж всё сложите, – каким-то особенным обвораживающим взглядом глянула на Смолякова, улыбаясь, побежала в дом чистить картошку.

— Сдай осторожно назад, – попросил Вячеслав Бориса, открывая пошире ворота, – да смотри, в канаву не угоди!

На участке находилась заросшая травой траншея от стародавней мелиорации.

Шофер сел в машину, рывком дернулся, задними колесами съехал прямо в канаву.

Пришлось выгружать машину, задний борт кузова-то в землю упирается. Смоляков вместе с рабочим таскают, а Борис увидел грядку с клубникой, туда бросился. Точно медведка, всё

объел. Только медведка под землёй шастает, а он сверху по ягодам красным и зелёным.

Прибежала бабка соседка. Борис пригнулся и вовремя сиганул с грядки.

— Ребятки. Помогите, Кто у вас начальник? – запричитала старушка, – шкафчик и этажерку нужно из деревни привести. Я заплачу.

— Да как мы тебе, бабушка, поможем? Видишь, машина застряла в канаве. Её оттуда ещё надо вытащить.

— А вы плечами, плечами, милые, упритесь, побычьтесь! Вам молодым стоит чихнуть и грузовик вылезет! Мы – бабы, в войну в поле машины с зерном из грязюхи пузом вытаскивали. А здесь сухо. И я вам помогу. Да ещё женщин призову!

Подложили под задние колёса доски. На радость бойкой бабке самосвал выехал.

Борис просиял от радости. Ещё одна халтура.

— Далеко ли ехать?

— Да нет, сынок, десять километров до переезда, потом, как коровник проедешь, немного полем, через мост: за речкой кирпичный завод...

— Садитесь, бабушка, сами покажете. Езжай и ты, Виктор, с ними, поможешь, – приказал Смоляков.

Хозяйка пригласила Вячеслава посмотреть комнаты.

— Когда они теперь приедут? Эта бабка Дуся до вечера их запрягла. Хотела пожарить картошку. Будет холодная.

— Да не надо нам ничего готовить. Я утром поел.

— А обед?

— Обойдёмся.

— Нет, как вернутся, что-нибудь приготовлю. Видите, пол почти сгнил. Ходить по нему опасно. Я живу на втором этаже.

Ангелина лукаво взглянула на Смолякова и прыснула в ладонь.

— Знаете, вы чем-то на Вицина похожи! Так неуклюже и смешно выглядите. На вас рабочая одежда, видимо? Ой, знаете, хорошо, что на вас рабочая одежда. У меня к вам просьба. Не откажите?

— А что? – Смоляков с ужасом ждал, что хозяйка попросит, заменить половые доски. Гвозди Вячеслав плохо забивал молотком. Гнул их или бил себе молотком по пальцам.

— Если бы вы телевизор подняли на второй этаж. Я бы вам была благодарна.

— Давайте, мне нетрудно.

Смоляков взял в обнимку телевизор “Рекорд”.

Лестница на второй этаж была крутая. Смоляков на каждую ступеньку поднимался медленно. В спешке забыли вытащить комнатную антенну. Усы антенны отвалились, стучали о ступеньки. Вячеслав остановился, чтобы случайно не наступить на антенну.

— Антенна упала. Вы не могли бы её взять в руку, – попросил он Ангелину, – вдруг зацеплю, уроню телевизор.

— Я попробую мимо вас пролезть. Лестница-то у нас узкая.

Хозяйка, прижавшись к Вячеславу вплотную, долго и упорно протискивалась, обдала его жаром тела. Пуговицы на халате расстегнулись. Груды голубыми выпорхнули наружу.

Смоляков взволновано задержал ресницами. Даже вспотел. Затаил дыхание. Что делать? Её бы обнять, но не бросишь телевизор себе на ноги!

На втором этаже распахнуто настежь окно. Пол застелен широким домотканым половиком на всю комнату. До веток яблонь можно из окна дотянуться. Ангелина сама, как яблочко, приворожила Вячеслава.

— Поставьте телевизор на пол, – прошептала хозяйка, застегивая смущенно пуговицы у халата. Щёки и уши у неё стали пунцовыми.

— А где у вас розетка?

— У окна.

— А стол-то стоит посередине комнаты.

— Давайте, перенесём его к окну, – чуть слышно ответила хозяйка. Взявшись за края стола, Вячеслав и Ангелина, не смотря друг друга в глаза, перенесли его к окну.

Смоляков поставил телевизор, включил его.

— У нас показывает только первая и вторая программа, – сказала твердым голосом Ангелина.

— У нас так же в деревне только две программы ловятся, – ответил равнодушно Смоляков.

— Раз я вас завела на второй этаж, может быть, замените лампочку в люстре? Одна сгорела.

— А где лампочка?

— Должна быть в столе, – хозяйка отодвинула ящик, – вот вам лампочка.

Вячеслав отвинтил сгоревшую лампочку и передал её, стоящей сзади Ангелине. Ввертывая новую лампочку, вдруг услышал вскрик. Ангелина, судорожно вцепилась в его спину, потянула на себя. Вдвоём провалились в какую-то воронку.

“Блин, – пронеслось в голове у Смолякова, – и здесь пол сгнил!”

Зацепиться за ускользающий половик невозможно. От окна поехал к середине комнаты стол. Вилка выдернулась из розетки, поэтому телевизор не свалился на пол. Но все же половики задержали их падение...

— Ой, какая же я дура! Зачем мы убрали стол! Он же закрывал люк! Мы же раньше поднимались на второй этаж по приставной лестнице.

Раскачиваясь в мешке над потолком первого этажа, пойманная парочка искала выход из создавшейся ситуации.

— Хоть ножом половик режь! Концы половика за что-то держатся, – сказал Николай, изнемогая от прильнувшей к нему женщины.

— Один конец у окна. На него мы поставили стол с телевизором. Второй конец под ножками кровати.

— Стол полегче. Если будем шевелиться, то стол придвинется к люку и нам на голову свалится телевизор!

— Ой, я боюсь.

— А как быть? Ждать, когда приедут на машине?

— Что вы! Опозоримся! Давайте лучше раскачиваться! Видите сбоку щелку. Это боковой край половика уже виден.

Обняв друг друга, пленники стали страстно раскачиваться.

— Уж точно телевизор упадёт нам на голову! – радостно воскликнула Ангелина, заметив, что половик опускается ниже.

— Пусть падает на мою спину! – Николай закрыл своим телом Ангелину, коснулся её губ. Какой был сладкий и долгий поцелуй! Словно они прощались с жизнью.

— Я вас не сильно давлю своим весом?

— Что вы, не стесняйтесь!

— Я уже вижу потолок. Что ещё будем раскачиваться? Я почти уже на вас лежу. Опоры-то нет.

— Лежи, мой хороший! – Ангелина, распахнув мокрый халатик, обхватила руками шею Вячеслава, прижала к себе. Целует его в губы.

В экстазе влюблённые стали раскачиваться. Не обращая внимания на то, что скрипит ножками стол и опускается полковик и сбоку видны стены, и они находятся уже не в мешке, а в гамаке.

Неожиданно их тела коснулись мягкой опоры.

— Что это? – спросил Вячеслав.

— Это перина, – захохотала истерическим смехом Ангелина, с восторгом посмотрела на Вячеслава, – если рассказать, что мы по воздуху, как на ковре-самолёте, опустились на кровать, никто не поверит. Я с детства люблю невероятные истории! Только я не хочу в эту дыру проваливаться каждый день в одиночку!

Чтобы хозяйка смогла смотреть телевизор, Смоляков нарезал по размеру досок. Закрыл ими люк. Прибил гвоздями. Ударил себя два раза по кулаку молотком на память. Застелил заветную дверку к сердцу Ангелины половиком...

Минут через двадцать приехала машина. Накормила повеселевшая хозяйка мужчин, с шофёром расплатилась. Двинулись в обратный путь. Едет Борис, в душе улыбается. Деньги через карман рубашки греют. А Вячеслав никак не очнётся от женских дурманящих ласок.

На переезде ждали поезда. Поезд прошел. Машина заглохла. Не заводится. Сзади стоящие машины сигналият.

— Уж точно они тебя побьют! – хохочет Смоляков, – Виктор, выгляни-ка, что они там сигналият? – обратился к рабочему.

— Сюда идут, Вячеслав Михайлович.

— Хана тебе, Борис! Ох, и жадный ты! Я бы ни за какие деньги с пробитым радиатором не поехал в такую даль!

Подожли мужики, молча скатили машину с дороги в кювет.

— Ну и как мы отсюда будем её выкатывать? – поинтересовался Смоляков, закуривая папиросу.

Борис сопит, ерошится, как ёжик на сидении, ничего не говорит. Не хочется ему раскошелиться. А кто бесплатно согласится на буксир брать?!

— Иди, Виктор, на дорогу, может, остановишь кого-нибудь. Тросом машину вытащим. Иначе до ночи здесь проторчим.

Один сердобольный шофер остановился, вызвался помочь.
— Что у тебя случилось? – спрашивает Бориса, оглядывая зорким взглядом подножку самосвала.

— Не заводится.

— Лопух! Провод слетел с аккумулятора! Вот и не заводится!

Покачал головой Смоляков. Вот удружил Пешков, не мог попросить с автобазы толкового водителя.

Выехали из кювета сами.

— Ну, теперь уж немного осталось, скоро Пушкино будет, – сказал Вячеслав Михайлович, успокаивая себя и рабочего.

Навстречу мчался прямо на них автомобиль. Шофер встречной свернул в сторону, чтобы избежать столкновения, показывая пальцем у виска.

— Чего это он выехал на встречную полосу? – удивился Смоляков, когда немного прошел стресс.

Но впереди опять неслась на них машина. Раздались те же самые проклятья.

— Что-то не то. Остановись-ка, – приказал Вячеслав Михайлович.

Встали на обочину. Оказалось, что в этом месте дороги в эти часы ввели реверсивное движение. Борис проехал мимо знака, не обратив на него внимания.

Слышно было невдалеке, как останавливаются электрички, подъезжая к станции.

— Пошли через лес. До Москвы доедем поездом, – предложил начальник подчиненному.

Как добрался шофер до автобазы, осталось неизвестным. Больше на завод он не приезжал.

ПОСЁЛОК ДАШКИ

В конце апреля 1942 года к Рязани двигались один за другим три воинских эшелона. Немецкие самолёты преследовали их и бомбили. Залетали с рёвом вперёд, разворачивались. Безнаказанно, на бреющем полете прошивали очередь из пулемёта крыши вагонов. Зенитки, установленные на платформах, судорожно били по самолётам, не нанося им никакого вреда.

Ефрейтор Михаил Басин и другие солдаты стрелковой роты заметили, что их состав, находящийся посередине, фашисты не трогали. Пролетая мимо, снижались низко, покачивали крыльями, дразнили. Отчетливо были видны чёрные кресты.

– Гады, точно нас приветствуют! – выругался рослый солдат–новобранец Олег Таничев, выглядывая в окно.

Закралось подозрение, что среди военных прячется предатель, поэтому лётчики их и не бомбят.

Благополучно доехав до города, батальон выгрузился из вагонов. По настилу из сбитых досок выкатили осторожно с платформы единственную полуторку, гружённую бутылками с зажигательной смесью.

Четыре дня новая часть располагалась в здании школы, и все дни к городу прорывались стервятники. Бомбили Рязань непрерывно. Взрывали дома, убивали невинных мирных жителей.

Было принято решение вывести скрытно сибирскую дивизию в ближние леса и учебные занятия проводить там.

Стрелковую роту поселили по избам посёлка Дашки. А другие подразделения расквартировали по близлежащим деревенькам, недалеко от Рязани.

Командир 1 взвода лейтенант Борис Сабуров посылал ординарца, ефрейтора Михаила Басина, по несколько раз в день с донесением в Рязань.

Басин вскакивал в четыре часа утра, кое-как стряхивал сон, наматывал обмотки поверх ботинок и брюк. Затем, умывшись студёной водой из колодца, шагал бодро по узкой проезжей дороге мимо берёзовых рощ.

Параллельно нижней разбитой дороге находилась повыше другая. По ней двигались подводы. Ещё выше, к небу, возвышалась насыпь железной дороги.

В предрасветные часы пели птицы. Ничто не напоминало о войне. Луга радовали глаза полевыми цветами и росистыми травами.

Возвращался Басин в расположение роты до подъёма. Днём, относя очередное донесение в штаб, успевал сбегать на базарчик, купить что-нибудь из съестного. Ел на ходу, а то и на бегу. Занимался наравне с другими бойцами. Изучал оружие, стрелял, окапывался в поле. Вечером Михаил мыл полы в штабной избе.

Командир взвода требовал от подчинённых неукоснительно выполнять устав внутренней службы.

Вскоре для маскировки перешли на ночные учения. Режим у роты поменялся, отсыпались днём. Во сне снились винтовки, ручные и станковые пулемёты, рытьё окопов, щиты мишеней.

Когда темнело, выходили по отделениям из домов, строились повзводно для переключки.

– Знаешь, я познакомился с одной дояркой Галей, – шепнул Олег Таничев Михаилу Басину, – попробую сегодня с ней ночью встретиться.

– А если заметят твоё отсутствие?

– Да я мигом, самое большее на час, мой одиночный окоп с краю. Если принесёт нелёгкая командира отделения, скажи, что по нужде вылез только что...

Утром построилась рота для марша к месту дислокации. Красноармеец Олег Таничев исчез.

По тревоге прочесали ближние леса и опросили жителей деревень, беглеца не нашли.

Дали запрос по месту жительства. Таничев призывался в армию с Дальнего Востока. Отец и мать оказались заслуженными людьми. Отец – руководящий работник секретного завода, мать работала учительницей в школе.

Через две недели какой-то крестьянин сообщил, что видел подозрительного неизвестного в одной избе.

Дезертира задержали, под конвоем привели в штаб батальона.

Таничев перешагнул порог избы, где временно располагался штаб. На нём была гражданская одежда. Смело глянул на сидевших за столом командиров.

К нему подошёл командир батальона майор Аркадий Чалунин, ударил его наотмашь по щеке:

– Подлец! Опозорил отца и мать!

Таничев дернулся, опустил глаза.

– Вот так ты выполняешь присягу Родине! – сказал замполит роты.

– В бою я бы не ушёл с окопа, – огрызнулся дезертир.

На следующий день построили батальон. На виду у всех несколько солдат копали могилу.

Таничева вывели из карцера. Был он в военной форме, но без ремня. Выглядел подавленно, хмуро – знал, что его ждёт. Надежды на спасение не было. Хотя юношеское восприятие жизни не верило в близкую смерть.

Поставили перед краем могилы дезертира. Зачитали приказ Военного трибунала:

– ...Приговорить к высшей мере наказания.

По команде, трое караульных выстрелили из винтовок.

На глазах бойцов батальона солдаты из похоронной команды забросали землёй могилу.

Через неделю доярка повесилась. Написала записку, что она виновата в смерти Таничева. Разбиралась комиссия с этим случаем. А что толку – двух влюблённых к жизни не вернёшь.

Боец Федор Залыгин, вспомнив недобрым словом убитого, сказал:

– Я вот всё думаю, почему нас немцы не разбомбили в поезде? А вдруг этот ухажер – шпион?

– Что ты городишь! – возмутился Анатолий Чалый, – Олег попался в бабьи сети. Но он не предатель...

Вскоре происшествие забылось. Рота через месяц вела оборонительные бои в Сталинграде. От первого взвода остались в живых только командир взвода и сержант Михаил Басин. Боевые товарищи погибли в перестрелке у тракторного завода.

Лежали с двух сторон у трехметровой стены взорванного дома. Не видя друг друга. Под огнём миномётов и пулемётов нельзя было сдвинуться с места.

– Слушай меня, Миша, – нервно заговорил Борис Сабуров, – все равно немцы возьмут Сталинград, давай сдадимся. Я могу спасти тебе жизнь. Ты же ещё молодой.

Басин сначала не вник в смысл слов. Их произнёс не голос его боевого командира, а какой-то голос чужого слабовольного напуганного человека.

– Товарищ старший лейтенант, это вы за стеной? – крикнул он.

– Я, Миша! Согласен ли ты сдаться?

Басин молчал.

Разорвалась очередная мина за стеной. Сержант не откликнулся.

– Ты живой? – несколько раз спросил бывший командир взвода...

Сабуров намотал на палку белую тряпку. Приподнял её над головой, чтобы немцы заметили. Осторожно встал. Немцы по нему не стреляли. Облегчённо двинулся вперёд.

Прошёл десять метров. Кончилась стена. Раненый Басин прицелился и выстрелил. Качнулся Сабуров и упал ничком.

Снова затрещали автоматные и пулемётные очереди, чтобы пригвоздить к земле советского солдата.

– Федор, ты был не прав, земля тебе пусть будет пухом, оказывается, не Олег предатель, а другой, – произнёс Басин, обращаясь, к погибшему товарищу.

Ему предстояло вести бой одному, пока не кончились патроны...

РОКОВАЯ ОШИБКА

Лесник Трифон Даньков собрался пройти по просекам, пока не выпал густой снег, осмотреть свой участок. Неделю стояла голоморозица, окаменела земля. В день Андрея Первозванного⁴ завьюжили метели.

Побаливали от перемены погоды суставы ног. Надел валенки. Все же возраст, к шестидесяти годам осталось добавить зиму и весну. Можно уходить спокойно на пенсию.

Ростом Трифон был невелик. Накинул поверх шерстяной одежды овчинный полушубок, надвинул на лоб лисью шапку. Прямо сказочный Колобок.

⁴ 13 декабря

– Ну, бабка, нонче не жди, а через неделю нагряну. Поживу в сторожке, лес послушаю, не рубят ли сосну. Если сдюжу, принесу домой на Миколу Зимнего зайчатины. На петли поймаю или ружьишком стрельну. А повезет, глухаря выслежу на местах кормежки либо рябчика заманю пищиком.

– Ты только сразу домой иди, к куму в деревню не сворачивай. Знаю я, как сойдешься с ним, пьянка у вас на месяц. Прости меня Господи!

– Иш-ты! Поедом ешь! Ещё за порог не ступил, уже крестишься! Не на беду ли?

– Свят! Свят! Типун тебе на язык! Вот старый петух! И не помнишь о твоих подвигах нельзя, заклюёшь! – осерчала Пелагея, вытирая ладони о фартук, продолжила примирительно, – Я тебе полную кастрюлю щей с лосиной заморозила, в пакет положила, сунула в рюкзак. Истопишь печь, горячего похлебаешь.

Стала рядом долговязая и тучная, почти касалась головой низкого дощатого потолка, подала Трифону рюкзак с продуктами и сменным нижним бельем. Помогла ему надеть лямки рюкзака на плечи.

– Много ли еще банок с лосиной осталось в погребе? – поинтересовался старик.

– Банки две, поди, ещё есть.

Трифон взял ружьё, открыл дверь, спустился с крыльца.

Пёс Великан радостно залаял. Гремел цепью и взвизгивал.

– Нет, я тебя не возьму, – сказал собаке дед. – Распугаешь мне всю дичь. Кормить тебя нечем будет.

На охотничьих лыжах тронулся в путь. До избушки пятнадцать километров. При сноровке можно пройти это расстояние за три часа. Где под горку, где в горку. Бодрящий воздух веселил душу.

Утро стояло чудесное. Щедрое солнышко озолотило снега. Берёзовые рожицы выбежали на околицу. Спустился через час к реке. Лёд окреп. Свободно выдерживал тяжесть человека и зверя.

К обеду добрался до зимовья. Избушка служила леснику добрую службу уже тридцать лет. Её Трифон срубил вместе со своим братом Степаном, тоже лесником, ныне покойным.

Разбился Степан на мотоцикле на лесной дороге. Кто-то протянул через дорогу проволоку на уровне его головы. Знали подлецы, что лесник должен скоро проехать.

Браконьеры отомстили. Но виновников не нашли.

На делянке ещё с лета была заготовлена поленница дров, её хватит на всю зиму.

В овраге бил незамерзающий ручей. Трифон протоптал к нему тропинку. Набрал в ведро студёной парной воды. Растопил буржуйку сухими поленьями. В морозный воздух из трубы вскружился едкий чёрный дымок, ветром его относило книзу.

Быстро согрелась маленькая комнатёнка. Приятно отшельнику раздеться до майки, походить по скрипящим половым доскам, словно за замёршим окном не зима, а лето. Зажёг к вечеру свечку. Выпил сто грамм. Поужинал и лёг спать на топчан.

Проснулся по-стариковски засветло. Слушал, как гудит в елях непоседа ветер. Тёпло из избушки за ночь выдуло. Кряхтя, оделся потеплее. Открыл заслонку. Из трубы пахнуло стужей, тягой слегка взметнуло золу. Настругал топором лучину для растопки, сунул её в печь горочкой, чиркнул спичкой. Весёлый огонек и треск еловых дровишек приглушил лесные звуки.

За косогором в трёх километрах от этих мест начинались торфяники. Бывшие торфоразработки – карьеры, каналы соединялись протоками и речками. Глухие места, летом залитые водой, стали убежищем для волков. Неожиданно для близких деревень волки размножились, нападали на коз, коров и собак. Зимой, перебегая по льду, матёрые волки и переярки сбивались в стаю.

На поляне в березняке лежал лось в лёгком как пух снегу, торчали сверху только холка и голова. Отдыхал сохатый после кормёжки, больше полагаясь на слух, поворачивая ушами, точно эхолокаторами, не надеясь на слабовидящие глаза.

Взвыли за болотом протяжно волки. Эхо повторило их призывный вой. Лось мигом вскочил. Буровато-чёрная окраска шерсти видна издалека на зимнем пейзаже. Лишь ноги под цвет наста – от середины голени и предплечья вниз светло-серые, почти белые.

Хорошо, что снега ещё выпало мало. По глубоким сугробам трудно убежать от волков. Лось постоял спокойно, всматриваясь, вслушиваясь, не чувствуя опасности и преследования, на-

гнул широкие рога, отростки их похожи на ладонь человека с растопыренными пальцами, не торопясь пошел по пробитой тропе.

Легко затеряться гиганту в смешанном и хвойном лесу с густым молодняком: сосны, ивы, осины, берёзы, рябины. За сутки лось съедает пищи в четыре раза меньше чем медведь. А вес у них почти одинаковый. Только привередливый Мишка зимой спит, ему пищу, как барину, прислуга – лес даёт сочную и разнообразную.

Трифон прикрыл дверь сторожки, повернул щеколду, надел лыжи. Направился по просеке в сторону реки. Там росли наиболее ценные строевые сосны.

Для санитарной рубки от жука-короеда лесничество летом наметило угнетенные, изогнутые и поврежденные деревья. Поставили метки на стволах, одну на уровне груди, вторую – внизу, чтобы сохранилась на пне.

Самовольные рубщики знают, что брёвна могут проверить на пилораме. Поэтому пилой “Дружба” режут дерево на части, чтобы скрытно потом увести.

Печальную картину увидел Трифон. Чуть прикрытые снегом срубленные сосны лежали вперемежку, словно сраженные ветровалом. Лесовозами проложена колея к дороге. Ни о какой санитарной рубке не могло быть и речи на этом участке.

У наемных артельщиков заработки зависели от кубатуры. Чем больше, тем лучше. Срубили всё подряд. Даже развилистую двуствольную красавицу сосну с неохватными ветками. Трифон на ней убил в прошлом году глухаря. Сто пятьдесят погубленных деревьев насчитал лесник. А сколько вывезли?

Отсеченные ветки присыпаны снегом. Длинная сизовато-зелёная хвоя пожелтеет только летом.

Это не деревенские. Видно фирмачи наняли безработных, решили вывести лес с коммерческим размахом. Дождались, сволочи, что застыла смола в сосне от морозов. Древесина-то в это время намного ценнее.

Трифон поморщился, сбил рукавицей снег с бревна, присел на него с краю, не снимая с плеч рюкзака, ружьё прислонил к ноге, достал из кармана пачку папирос, закурил.

Нужно сообщить лесничему. Брала обида, что не пришли к нему, не посоветовались, срубили прочные и красивые дере-

вья. А ведь, шельмы, **построят**-то не дворец! Красновато-бурая кора печально искрилась светом на ровных стволах.

Глянул по сторонам, примечая место. Недавно через сосняк прошёл лось, проваливаясь копытами в снег. Длина шага у него, как у человека. Значит, был спокойный. Подошел к берёзе почистил рога, ободрал нижние ветви и кору.

“Куда же он направился?” – подумал лесник. Посмотрел вперёд и увидел около молодых ёлочек и сосен в тридцати метрах от него тёмно-синий сказочный силуэт лося. Словно неживой, застывший облик животного. К шерсти ног и к спине прилип снег, он лоснился, издалека казался стальным. Лось к нему стоял боком, смотрел куда-то в сторону. Ободок около глаза очерчен радужным ореолом. Не глаз, а алмазное колечко из света.

– Мать моя! Вот те, бабка, и свежее мясо! – прошептал чуть слышно. Тихонько взвёл смазанный ружейным маслом курок. Поднял, не спеша ружьё. Прицелился. Прозвучал оглушительный выстрел.

Взметнулось снежное облако под тяжестью тела. Лось, сражённый наповал, дёрнулся ногами и затих.

Трифон зарядил на всякий случай ружьё, осторожно на лыжах подъехал к убитому лосю. Так и есть, пуля попала между глазом и ухом – в уязвимое, убойное место.

Лесник был метким охотником. Глаза зоркие. Трифон снял лыжи и положил на них ружьё.

“На три рюкзака, навверняка, успею мяса нарезать, отвезу за три рейса к сторожке, – подумал он, – а больше не удастся, быстро замёрзнет туша на морозе. Топором придётся рубить”.

Снял рюкзак, из-за пояса достал охотничий нож, чтобы перерезать горло. Подошел к лосю. Рукавицы, не желая испачкать кровью, сунул за пазуху под шубу...

Пелагея часами сидела у окошка. Прошло уже десять дней. Скоро Новый год. Ждала мужа с гостинцами. Всю неделю пуржило. Белого света не было видно.

“Вот прояснится небо. Придёт”, – успокаивала она себя.

Но закончились вьюги, а Трифона всё нет.

“Запил, мерзавец. Вот подлец!” – изводилась она мыслями. Пропал сон. Одной тяжёло зимой. Скотину нужно кормить. Дом

топить. Навоз убирать. Хоть и трехжильная женщина, но руки от тоски опускаются.

Не выдержала, пошла к участковому.

– Павел Сергеевич, мой Трифон пропал.

– Куда ушёл? – спросил тот.

– В лес. Уже две недели. Чаю, окаянный, запил в деревне.

– Подождём ещё три дня. Я завтра поеду в Жигалово. У кого он может жить?

– Если только у Федьки Кириенко.

На следующий день участковый пришёл к Пелагее.

– Не видели твоего мужа в деревне.

Старуха всплеснула руками. Чуть не упала на пол без чувств.

– Неужели сбился с дороги и замёрз!

– Ладно. Заранее не хорони! Завтра начнём искать.

Искали Трифона три дня по всему лесному массиву радиусом на десять километров. Никаких результатов. Ясно было одно, из избытки он ушёл, чтобы снова туда вернуться. В кастрюле остались щи. Продукты на неделю.

Глубокие снега скрыли все следы.

Вторичные поиски повторили через неделю. Взяли с собой собак.

На поляне случайно нашли заготовленные брёвна самопила.

– Не убили ли Трифона за эти брёвна? – спросил милиционер из района.

– А кто его знает. На прошлой неделе гаишники задержали на дороге лесовоз. Оштрафовали за незаконную рубку и вывоз. Сейчас человека за сто рублей убьют, – ответил участковый.

– Где же его искать? До весны придётся отложить, – засомневались деревенские мужики.

В это время собаки носились по лесу, распутывая заячьи следы.

Одна из них стала раскапывать снег.

– Она у тебя, Васька, охотничья, как лисица, почуяла видно мышь.

– Какая мышь! Глухаря в лунке учуяла! – похвалил своего пса хозяин.

– Нет. Там что-то другое? Сугроб раскапывает, – заметил участковый, – надо бы посмотреть.

Отгнав собаку, очистив бугорок, люди наткнулись на труп лося.

– Кто же его убил? – поинтересовался уполномоченный.

– Да местные охотники! Кто же еще? – обрадовались деревенские, их лица посветлели, – мяса на всех хватит! Как раз к Рождеству.

Забыв о том, зачем сюда пришли, мужики стали рубить топором на куски тушу.

– А тут ещё какой-то предмет под снегом? Брёвно что ли? – вдруг сказал один из мужиков, почувствовав под ногой, что-то твёрдое, не похожее на землю.

Когда раскопали наст, нашли труп человека. По оледенелому лицу трудно опознать личность. Грудная клетка у него была проломлена насквозь. Рукавицы, которые были им, видимо, сунуты за пазуху, оказались со стороны спины в разорванной шубе. Таким сильным ошеломляющим был удар. В руке мертвеца был нож со следами крови.

Увидев все это, мужики с отвращением побросали куски мяса в снег.

– Это Трифон Даньков? – спросил уполномоченный.

– А кто его знает! – пожали плечами мужики, – вроде, похож и не похож. Надо у бабки Пелагеи спросить.

– Как же его так угораздило! – сказал Василий. – Вроде, был опытный охотник, а встал у ног. А надо было заходить со стороны спины. Наверное, хотел горло перерезать. Да лось в сугробах ударил его ногой.